
О. В. Гладкова

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ КАНОН И «ЗАПАДНАЯ ТЕМА» В «ЖИТИИ ИСИДОРА ТВЕРДИСЛОВА, РОСТОВСКОГО ЮРОДИВОГО»

«Житие Исидора Твердислова» относится к одному из многих неизученных и научно не изданных памятников древнерусской агиографии. Возникшее, скорее всего, в Ростовской земле, «Житие» очень скоро приобрело общерусскую известность. Настоящей статьёй нам хотелось бы привлечь внимание к этому интересному произведению и наметить некоторые пути его изучения в преддверии публикации более объемного исследования «Жития»¹.

* * *

Исидор Твердислов, ростовский юродивый, подвизался в XV в.: он умер в 1474 или, по другим данным, в 1484 г.² Облик ростовского святого, представляющий в «Житии», несколько загадочен, немаловажную роль играет в этом его происхождение: по свидетельству агиографа, Исидор пришел на

¹ Древняя Русь: Восприятие Запада в XIII—XV вв. и проблемы литературного творчества. М. 2001 (в печати). До выхода этого издания с содержанием «Жития Исидора» можно ознакомиться по нашему переводу на современный русский язык: Слово Древней Руси. М., 2000. С. 377—387. Перевод выполнен по рукописи: РГАДА. Собр. Московского государственного архива Министерства иностранных дел (Ф. 181) № 692/1204. 1560 г. Л. 366—378. Первоначальные наблюдения над текстом «Жития» были также высказаны автором статьи в работе: «Странность» юродивого (о малоизученном «Житии Исидора Твердислова») // Канонизация святых на Руси. Материалы VI Российской научной конференции, посвященной Памяти Святителя Макария (10—12 июня 1998 года). Можайск, 1998. Вып. VI. С. 393—400.

² Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 281.

Русь $\bar{\omega}$ западныхъ оубо странъ $\bar{\omega}$ латынскаго языка $\bar{\omega}$ нѣмечскыя же зѣмла³. По всей вероятности, это первый случай «западного» происхождения русского святого⁴.

Его почитание началось сразу после кончины: уже в месяцеслове 1487 г.⁵ под 14 мая указана память Исидору, правда ростовское происхождение рукописи⁶ может свидетельствовать в первую очередь о распространении местной традиции почитания. Исследователи с уверенностью называют время, когда почитание Исидора уже точно стало общерусским — между 1552 и 1563 г.⁷ «Житие Исидора» вошло в Великие Минеи Чети митрополита Макария (далее — ВМЧ) под 14 мая⁸, а также под тем же числом в Минеи Чети Иоанна Милютина, Германа Тулупова и др.⁹. Согласно исследованию С. В. Минеевой, в сборниках, включавших в себя «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», «Житие Исидора» встречалось так же часто, как «Сказание о Борисе и Глебе» и «Житие Леонтия Ростовского»¹⁰, то есть обладало столь же большой популярностью, как и более изученные памятники.

Как уже было сказано, «Житие Исидора» не являлось еще объектом специального исследования, хотя и упоминалась в научных работах. Время создания «Жития» называлось разное: его относили к концу XV в.¹¹, ко времени митрополита Макария¹², к 1584 г.¹³ По мнению М. Д. Каган, «составление житийного ядра может быть отнесено к XV в.»¹⁴

* * *

В настоящей статье нас прежде всего будет интересовать идейно-художественная структура памятника, реализация в ней канонических требований, предъявляемых к житиям юродивых (одновременно являющихся и необходимыми условиями подвига юродства), отбор агиографических топосов («общих мест», приемов) и их конкретное воплощение в тексте. Следует сказать сразу, что многие особенности «Жития» связаны с темой противопоставления Руси и Запада, «Западных стран», постоянно присутствующей на страницах «Жития» и определяющей особенности изображения подвига ростовского юродивого.

³ Житие «Исидора Твердислова» цитируется по старейшей из известных нам на данный момент рукописи: Государственный архив Ярославской области, Коллекция рукописей. Оп. 1. № 446(196). Сборник памяти и житий. Первое 10-летие XVI в. Разночтения в скобках даны по уже упоминавшейся рукописи: РГАДА. Собр. МГАМИД (Ф. 181). № 692/1204.

⁴ Тоже «иностранцем», но, в отличие от Исидора, восточного происхождения — из Константинополя, был Св. Леонтий Ростовский.

⁵ РГБ. Ф. 304 (Собр. Троице-Сергиевой лавры). № 761. Сборник житий и слов. См. об этом: Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 2. С. 207, 279

⁶ Она была написана в Ростове при архиепископе Иоасафе (см.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. С. 207) писцом Никифором (см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 205).

⁷ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903 (репринт 1998 г.). С. 108—109; Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова. С. 283.

⁸ Там же. С. 282.

⁹ <Барсуков Н. П.> Источники русской агиографии. СПб., 1882. (ОЛДП. LXXXI) С. 32.

¹⁰ Минеева С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста: (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). Курган, 1999. С. 32.

¹¹ «Житие его, известное по спискам XVI в. (...), в 1500 г. без сомнения уже было написано», — отмечал архиеп. Филарет (<Филарет (Гумилевский), архиеп.> Обзор русской духовной литературы 862—1720. Сочинение Филарета, архиепископа Харьковского. Харьков, 1859. С. 187).

¹² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринт 1988 г.). С. 280.

¹³ <Леонид (Кавелин), архим.> Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых ... составил архимандрит Леонид. СПб., 1891. С.163.

¹⁴ Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова. С. 282.

Наиболее полный текст «Жития», сложившийся, по нашим наблюдениям над рукописным материалом, уже к концу XV — началу XVI в. по воле разных авторов и редакторов, соединяет в себе несколько жанров: стих, похвала, агиобиография (собственно житие), чудо, — и соответственно представляет собой стилистически неоднородное произведение, при этом сохраняющее идейное единство частей, что мы и попытаемся показать в нашем исследовании¹⁵.

В начальном стихе объясняется, за что Исидор стал называться «Твердисловом» (Твердисло^в въправдѣ тезоименно наре^чсл. оутверди бо ѹмъ и съ словомъ вкѹпе еже къ бгѹ вѣща), а затем появляется важный для «Жития» мотив движения: и ꙗграа исидор житіе се прїиде. и нбѣ наго црѣ твїа достихѹ. Как в стихе, так и в объемном вступлении не говорится о юродстве: первая часть вступления содержит возвышенные рассуждения о святых, в число которых входит и Исидор, отвергнувших суетна мира сего. Вторая часть вступления представляет собой похвалу Исидору, в третьей части автор пространно рассуждает о себе и своих задачах, насыщая размышления цитатами из Писания. Примечательно, что Исидор нигде во вступлении даже не называется юродивым. Помимо наименований, «уравнивающих» его с другими святыми (блженнаго, праведнаго, свѣтилника всесвѣтлаго и т. п.), автор находит для характеристики подвига Исидора следующую формулировку: хѣ а ра^(н) странствїе. и многое терпѣнїе.

Далее следует сама агиобиография святого, в которой опять же очень мало находится места для описания подвига юродства: лишь два раза упоминается, что Исидор ходил **яко оурод**, за что и подвергался побоям. Представляется, что автор, говоря о жизни святого, сосредоточивается на другом: Исидор приходит на Русь с Запада, он иностранец, «немец» из «местерского» рода, из богатой и знатной семьи, оставивший свое отечество в поисках Истины — истинной веры — и нашедший ее в «Восточной стране».

Объяснения «западному» происхождению и «местерскому» роду Исидора находились разные. Филарет считал, что «Блаженный Исидор родился где-то в Германии и вероятно около Бранибора (Бранденбурга), где бедные славяне теснимы и угнетаемы были немцами с бесчеловечною жестокостью»¹⁶, ему вторит И. Ковалевский¹⁷. М. Д. Каган считала, что известие о «западном» происхождении Исидора — один «из традиционных для жизнеописания юродивого блоков» и в то же время что «появление на Руси выходцев из Западной Европы, принявших на себя личину юродивых, не редкость»¹⁸. Еще Димитрий Ростовский, вслед за ним

¹⁵ Ср. наблюдение G. Lenhoff относительно русских житий этого времени и региона: «Первые списки житий северовосточных святых, созданные в областях, где вплоть до конца XV в. возможности оставались ограниченными, были кратки, а составляющие их части — стилистически разнородны, лишь в очень редких случаях они подвергались контекстуальному редактированию. В последующих редакциях каждая из частей могла быть дополнена новыми сведениями о святом. С начала XVI в. авторы житий придают все большее значение литературным образцам. Однако необходимость стилистического совершенствования своих сочинений воспринимается ими не с точки зрения художественности текста, а как дань почитанию святого. Заимствуя пространные фрагменты из различных источников, они еще не заботились о стилевой и композиционной совместимости частей, то есть о воплощении единого художественного замысла» (Lenhoff G. *The Lives of Prince Feodor the Black*. Wiesbaden, 1997. С. 444. См. развитие этой мысли на с. 10 и др.). При том, что Житие Исидора явно ориентировано на образцы, о чем речь пойдет ниже, оно, если принять точку зрения Lenhoff, является скорее исключением, поскольку его авторы, не изменяя текст друг друга, тем не менее действовали в едином ключе, о чем мы и собираемся говорить. Что касается «стилистической разнородности» частей «Жития Исидора», то, на наш взгляд, она оправдана их относительной жанровой самостоятельностью в общей структуре «Жития».

¹⁶ <Филарет (Гумилевский), архиеп.> Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. Соч. Ф. Д. Ч. Чернигов, 1863. 2-е изд. Т. 2. С. 97.

¹⁷ Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. М., 1902 (репринт 1996 г.). С. 248.

¹⁸ Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова. С. 281. Это не совсем так, как мы уже показали, хотя названная тема требует дальнейших разысканий: не совсем ясным остается, например, происхождение латинской Псалтири на гробнице Иоанна Власатого, на основании чего говорится о «западном» происхождении юродивого.

Филарет¹⁹, а потом Каган находили маловероятным возможное истолкование слова «местер», иногда заменяемое переписчиками XVII в. на «мастер»²⁰ как наименование Великого Магистра. Отвергая эту догадку, Филарет писал: «... Известны многие роды славянские, перешедшие со славянского поморья в Россию от притеснения немцев»²¹. Предположение Филарета выглядит наиболее убедительно и может дать вполне реальное объяснение, почему в «Житии» говорится об обретении Исидором «древлепогубленного отечества». Что же касается «традиционных для жизнеописания юродивого блоков» (Каган), то об этом речь впереди.

* * *

Чтобы лучше понять этот памятник, необходимо обратиться к византийской и русской традиции изображения подвига юродства. Безусловно, жанр статьи не предполагает подробнейшего рассмотрения этой обширной темы, да и о юродстве все-таки написано немало, хотя, видимо, время обобщений еще впереди. Особо ценными для нас стали исследования С. А. Иванова²², А. М. Молдована²³, отчасти Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко²⁴ и В. М. Живова²⁵. Отметим также уже упоминавшуюся книгу священника Иоанна Ковалевского²⁶, писавшего о христианском содержании подвига юродства.

Еще Филарет заметил, что в своем подвиге Исидор следует «примеру праведных Симеона и Иоанна»²⁷. Действительно, образцом для автора «Жития Исидора» послужило в первую очередь «Житие» византийского юродивого Симеона²⁸. Наиболее заметны заимствования мотивов строительства прибежища из хвороста и смерти юродивого в нем. Описание **ХИЖЫ** занимает в «Житии Исидора» (в агиобиографической части), в отличие от «Жития Симеона»²⁹, особое, чуть ли не центральное место. Создается впечатление, что автор «Жития», не знавший святого лично, все свое внимание сосредоточил на его жилище, которое агиографу, возможно, и доводилось

¹⁹ <Филарет (Гумилевский), архиеп.> Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. С. 97.

²⁰ Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова. С. 281.

²¹ <Филарет (Гумилевский), архиеп.> Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. С. 97.

²² Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994.

²³ Молдован А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000; см. также: Он же. Из синтаксиса древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 256—275.

²⁴ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

²⁵ Живов В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.

²⁶ Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви.

²⁷ <Филарет (Гумилевский), архиеп.> Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. С. 97—98.

²⁸ Поскольку «Житие Симеона» (и его сподвижника Иоанна) (VI в., †21 июля) не имеет научного издания, мы воспользовались переводом с греческого С. В. Поляковой (Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. М., 1972 (репринт 1994 г.). С. 53—83), см. также: Сергей (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 3. (репринт 1997 г.). С. 278—279; Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. С. 120—125, Иванов С. А. Византийское юродство. С. 232 (по указателю). Сопоставление «Жития Исидора» и переводного «Жития Симеона» могло бы стать интереснейшей темой отдельной работы.

²⁹ Ср.: «В прибежище этого истинно мудрого мужа не было никакого добра (прибежище служило ему только для сна, вернее, для всенощного бодрствования), кроме оберёмка хворосту. Часто всю ночь до рассвета он молился и орошал пол слезами...» (Византийские легенды. С. 81). И далее: «Когда великий почувствовал приближение сужденного всем часа ... что он делает? Заползши под оберёмок хвороста, лежащий в святом прибежище его, он во сне предал дух свой Господу в мире.» (Там же. С. 82).

видеть³⁰. О **хуже** Исидора в «Житии» говорится четырежды и самым подробным образом: топографически точно описывается место, где Исидор ее построил (**на мѣстѣ сжсѣ(-сѣхѣ) въ градѣ среди влатца нѣкотораго**), описывается материал, из которого она сделана (**хврастїе**), не один раз подчеркивается отсутствие крыши (**непокровена**), сообщается трогательная деталь, свидетельствующая о полном отказе Исидора от какого-либо имущества (**не имѣа во оу себе ничтож... но токмо едино свое тѣло**). В результате образ **хужи** получает какое-то космическое значение — это особый мир, открытый небу, Богу, мир, на который никто не польстится и который никому не нужен, мир в с т о р о н е — от города, от людей. По ночам Исидор, как и Симеон, предается там молитве.

Сближают «Житие Исидора» с «Житием» византийского юродивого и другие мотивы-топосы, в целом обычные для агиографии: стремление странствовать (Исидор странствует, переходит из города в город), уход от родных, оставление знатности и богатства ради истинной веры; признание автора в том, что он пишет далеко не обо всех чудесах святого, стремление святого скрыть свою святость от мира (даже люди, ставшие свидетелями чудес юродивого при жизни, могут рассказать о них только после его смерти), мотив поиска мощей и др.

О мотивах, лежащих в основе чуда о купце³¹, спасенном в море явившимся ему Исидором, писали еще В. О. Ключевский³² и А. Н. Веселовский³³. Они видели здесь прежде всего связь с новгородской легендой о Садко³⁴. Нам кажется логичнее возводить это чудо непосредственно к «Житию св. Николая», которое, используя известный Евангельский мотив, могло послужить общим источником как для былины о Садко, так и для «Жития Исидора». В «Житии Симеона» нет чуда спасения на водах, однако есть относительно сходные мотивы, в целом общие для агиографии, однако связывающие чудо о купце и «Житие византийского юродивого» — чудесное явление святого и запрещение говорить об этом до его смерти (ср. хотя бы чудо с фокусником).

М. Д. Каган мотивы второго прижизненного чуда — чуда о князе — справедливо возвела к Евангельской сцене претворения Христом воды в вино в Кане Галилейской³⁵, указав также «Житие Козмы и Дамиана», где встречается сходный эпизод³⁶. Отметим, что мотив вина, превращающегося в негодный для питья напиток дважды повторяется в «Житии Симеона» (Чудо с погонщиком мулов и случай со змеей в трактире).

Повествование о чудесах Исидора написано очень живо и увлекательно, однако без упоминаний каких-либо исторических имен и деталей³⁷.

³⁰ О похожем совмещении реального и литературно-заимствованного в «Житии Прокопия Устюжского» пишет и С. А. Иванов: «... при точности многих топографических привязок житие Прокопия в значительной своей части — это дословный пересказ жития Андрея (Юродивого — О. Г.)... Поразительнее всего, что даже описание суровой зимы в Устюге русский агиограф дословно списал с греческого (...), хотя знал о морозах явно не понаслышке» (Иванов С. А. Византийское юродство. С. 143).

³¹ На основании чуда о купце Филарет сделал следующий вывод: «Сострадательная любовь его к купцам мореплавателям указывает на то, что и сам он родился на морском берегу и знаком был с опасностями моря» (<Филарет (Гумилевский), архиеп.> Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Опыт описания жизни их. С. 97.

³² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 281.

³³ Веселовский А. Н. Былина о Садке // ЖМНП. 1886. Декабрь. С. 275. См. также: Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова. С. 283.

³⁴ Спасение новгородского купца св. Николаем.

³⁵ По словам Ключевского, «Чудо исчезновения напитков на пиру у ростовского князя есть вариант легенды о более раннем юродивом Николе Качанове новгородском» (Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 281).

³⁶ Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова. С. 283.

³⁷ Количество чудес в рукописях не стабильно. Мы не рассматриваем здесь подробно два посмертных чуда, скорее всего, присоединенных к основному тексту несколько позже и содержащих весьма распространенные агиографические мотивы, — о сошедшем с ума и о страдавшем от болезни глаз и головы.

«Житие» завершается Похвалой Исидору, начинающейся с резкого самоуничижения автора (**ГНУСНЫИ АЗЪ**) и содержащее краткое перечисление событий собственно «Жития», в частности, приход ростовского святого из «Западных стран».

* * *

Юродство — это публичный отказ от ценностей мира сего в пользу мира горнего, отказ, выражающийся прежде всего в абсурдном, безумном, с точки зрения мира дольного, поведении, «провоцирующем» (термин С. А. Иванова) окружающих на нехристианские поступки. За публичностью унижения юродивого и «обликом безумия»³⁸ — укор и назидание миру, память о Христе, о совести. Эта нравственная функция юродивого особенно заметна в русском юродстве.

Каноническое житие юродивого, как нам представляется, должно включать в себя следующие основные топосы, одновременно являющиеся необходимыми элементами аскезы, возможность которой исходит из Писания (отсюда набор цитат, кочующий из одного жития юродивого в другое, о «буйстве» Христа ради, прежде всего из I Послания апостола Павла к Коринфянам³⁹):

- пренебрежение и отказ от обычного человеческого ума;
- наряду с этим способность видеть особые связи между явлениями и предметами, не различаемые окружающими юродивого людьми, «особая логика» юродивого, на самом деле связывающая мир «горний» и мир «дольный»; дар прозорливости и пророчества;
- юродство и кощунство, «безобразия» юродивого («провокация», по терминологии Иванова, «соблазн», по выражению Живова);
- побои и гонение от людей вследствие непонимания ими истинной сущности происходящего, то есть вследствие «неразумия» людей⁴⁰;
- принципиальная публичность жизни и в то же время сокрытие подвига до самой смерти;
- невидимость во время молитвы или «скрытая молитва».

Безусловно, отдельные признаки вкупе с обязательными чудесами, конечно, могут отличать не только юродивого, но в житии юродивого они являются именно в соединении с прочими постоянными и необходимыми компонентами.

«Житие Исидора Твердислова» обращено к читателю, с одной стороны, достаточно сведущему в Писании, но, с другой стороны, ценящему в произведении не игру символов или скрытые богословские построения, а прямое описание. «Житие Исидора» выстроено в целом по выверенной схеме, однако в нем проявляется целый ряд особенностей: во-первых, сведен к минимуму мотив отказа от житейского ума, земной мудрости — в «Житии» об этом вообще говорится очень мало. Во-вторых, в житии, как это ни парадоксально, практически **не описывается юродство** Исидора. В основной части, то есть в собственно житии, и заключительной Похвале Исидор лишь называется юродивым или же автор сообщает, что он ходил **так о оурод**. Исследователями давно замечено, что древнерусские авторы, в отличие от византийских, «смущались»⁴¹ изображать безобразия юродивых, однако в «Житии Исидора» это «смущение» проявилось во всей полноте.

Подвиг Исидора осознается в «Житии» как подвиг «странности», «сторонности» и странничества — на это прежде всего указывает первая же Евангельская цитата собственно

³⁸ Живов В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. С. 106.

³⁹ Подробный, но не исчерпывающий анализ новозаветной основы юродства, а также подбор цитат см.: Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. С. 30—32 и др.

⁴⁰ Об оппозиции «ум» — «разум» см.: Гладкова О. В. Тема ума и разума в «Повести от жития Петра и Февронии» (XVI в.) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 188—199.

⁴¹ Иванов С. А. Византийское юродство. С. 212.

житийной части: **аще (кто) хоцеть по мнѣ ити да ѿвѣржетса себе и възметъ крѣтъ свои. и по мнѣ градеть.** — и т. д. (лишь позже вторая цитата из I Послания ап. Павла Коринфянам говорит о «буйстве» Христа ради). Понимание юродства как подвига, совершаемого в неприязни миром, восходит к страстям Христовым, когда после насмешек и побоев Христос говорит: **«Отче, ѿпусти имъ: не вѣдатъ, во что творатъ»** (Лук. 23: 34). Именно этот Евангельский эпизод более всего занимает автора, когда он переходит к рассказу о юродстве Исидора в Ростове, а не описание конкретных «безобразий» юродивого: **блженныи ... взираа на прележащии подвигъ и начальника вѣрѣ и свершителя Іѿса. и никако же зла досаждающимъ емоу взаваше. нъ токмо въ оумѣ свое^м глше къ бж ги не постави имъ грѣха сего.**

О «сторонности» Исидора говорят и его иностранное происхождение, упоминаемое неоднократно, и стремление постоянно ходить, странствовать⁴² (из страны в страну, из города в город, из города к **хиже на блатце**, переходя по самому городу с места на место, даже первое чудо он совершает над человеком странствующим — купцом), и отказ от ценностей мира, традиционный не только для юродивого, но не доведенный здесь до изображения «кощунств» юродивого. Даже обычный для агиографа прием уничижения себя и возвеличивания Исидора здесь, в таком контексте, еще более, чем обычно, воспринимается как отдаление себя и читателя от святого, о котором автор пишет не руководствуясь личными впечатлениями — то ли потому, что их действительно не было (что кажется наиболее вероятным), то ли «забывая» о них в стремлении следовать канону, — но как будто издалека и по прошествии времени.

В «Житии» Исидор предстает как своего рода странник, покинувший свое отечество в поисках Истины, нашедший ее в православии, выбравший «сторонность» в качестве основы своего подвига. Исидор не участвует в жизни мира сего, не принимает его, потому что знает Истину; он гоним миром и не понят им подобно страдающему Христу. В этом случае «Житие» опирается на раннюю традицию, сложившуюся в византийской агиографии, а именно (если не считать библейских странников-прообразов, в первую очередь, страдальца Иова) на жития, описывающие подвиг странничества как особый вид аскезы. О том, что жития странников были тесно связаны с житиями юродивых, писал и С. А. Иванов⁴³, он же приводит в качестве первейшего примера жития странника «Житие Алексия, человека Божьего», явно вошедшее, на наш взгляд, в тот фон, на котором было создано «Житие Исидора Твердислова».

Можно согласиться с С. А. Ивановым, заметившим, что «иностранное происхождение подчеркивало чуждость юродивого миру»⁴⁴: иностранцем (скифом или даже славянином) считался византийский юродивый Андрей, людьми пришлыми были Симеон, Иоанн, Михаил Клопский и другие. Трудно, правда, согласиться с другим утверждением Иванова, модернизирующим историческую действительность, объясняющим уже не литературно-агиографическую, а реальную основу «западного» происхождения: «...Обращение «немцев» именно в самую экстремистскую форму православия имело, быть может, психологические корни. Ср. современное увлечение Запада

⁴² Мотив странствия, особенно странствия в поисках Истины был нередок в житиях. Примеров тому множество — это и старец Зосима из «Жития Марии Египетской», и Сергей Радонежский, и многие другие. Это неудивительно, ведь «жест отказа, ухода — первый импульс аскезы» (Иванов С. А. Византийское юродство. С. 46).

⁴³ Иванов С. А. Византийское юродство. С. 44 и след. Ср. также замечание комментатора к Житию святого Андрея юродивого: «...эти избранники Божии (юродивые — О. Г.) были как бы пришельцами из другого мира» (Жития святых... св. Димитрия Ростовского. М., 1904 (репринт 1993г.). Кн. 2. С. 55).

⁴⁴ Иванов С. А. Византийское юродство. С. 143.

восточным оккультизмом»⁴⁵. Для того чтобы до конца разгадать загадку появления «западного» человека в качестве православного святого, юродивого, при условии, что этот факт «Жития» взят из реальной жизни (что еще нужно доказать), у нас пока нет данных. «Житие Исидора» настолько полно «пустыми топосами» — общими местами, которые только названы (ходил **яко оуроа**) и не наполнены какой-либо информацией, в том числе и исторической, что к нему трудно относиться как к документальному свидетельству. Сообщение о приходе Исидора от «Западных стран», находящееся в ряду топосов, многие из которых «пусты», явно имеет функцию канонического «общего места» (приход юродивого, святого в другой город, страну и т. д., где его никто не знает), но может не быть историческим фактом.

Острота постановки вопроса противостояния «латинской веры», синонимом которой выступает «Запад», и «истинной», православной⁴⁶, сближает «Житие Исидора» с таким новгородским памятником, как «Житие Антония Римлянина», в котором также рассказывается о святом, пришедшем с Запада (из Рима), где, правда, Антоний, в отличие от Исидора, уже втайне (!) исповедовал православие. Сходство мотивов заставляет задуматься об их происхождении и вынуждает исследователя «посмотреть» в сторону Новгорода.

* * *

Как известно, юродство стало на Руси одним из наиболее почитаемых и любимых подвигов⁴⁷. Жития юродивых существовали в рукописной традиции, пересекаясь и подвергаясь взаимному влиянию. Порой сложно с уверенностью определить точное происхождение того или иного повторяющегося мотива в разных житиях. Как уже говорилось, М. Д. Каган считала, что «Житие Исидора» «послужило образцом для создания канонической формы жития юродивого»⁴⁸, мы присоединяемся к ее мнению. В этом первом русском, построенном по канону житии юродивого для агиографа оказался не столь важен мотив «безобразий» и «провокаций», сколько, быть может, менее очевидный, но также заложенный в канон мотив, который мы бы назвали «странностью»⁴⁹ миру», связавший «Житие Исидора» с древнейшей христианской традицией, в первую очередь, с житиями «странников Христа ради». Можно предположить, что «странность миру», частью которой является «западное» происхождение Исидора, в качестве основного мотива была для агиографа рубежа XV — XVI веков более привычной и знакомой, нежели мотивы «соблазна» и «похабства», развившиеся в более поздних⁵⁰ житиях русских юродивых.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Понятно, что общая традиция противостояния православия и «латинства», католичества уходит ко времени разделения церквей, к эпохе Киевской Руси.

⁴⁷ Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. С. 137 и след.

⁴⁸ Каган М. Д. Житие Исидора Твердислова. С. 284.

⁴⁹ Ср.: Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. С. 145—146 и др.

⁵⁰ «Звездным часом русского юродства стал XVI в.» (Иванов С. А. Византийское юродство. С. 146).

